Глава 2. Часть 1.

Четырехчасовая регистрация: ничего не изменилось.

Я прошел мимо гостиной на кухню, где собирался приготовить обед, прежде чем отнести его в свою комнату. У Ребекки был включен телевизор, но она не обращала внимания. Полулежа на диване, положив ноги на кофейный столик, она ухмылялась в экран своего телефона. Она, казалось, не заметила моего присутствия, когда я вошел на кухню и открыл холодильник.

Я взял несколько яиц и ветчины, чтобы сделать омлет. Я уже наполовину закончил его приготовление, когда она появилась, опираясь плечом на дверной косяк.

Ее крошечные шорты поднимались до бедер, обнажая подтянутые ноги, а одна из лямок ее черной майки, облегающей ее изгибы, спускалась с одного из ее гладких плеч. Ее светлые волосы были собраны в обычный небрежный пучок, который она носила дома, но в глазах мелькнула искра голода, которой я никогда не видел.

"Что это за запах?" — спросила она хриплым голосом.

«Я готовлю омлет». Я подумывал не предлагать ей, но голод на ее лице сбил меня с толку. «Хочешь?»

Она наклонила голову, сделала шаг вперед и остановилась у холодильника. Она скрестила ноги перед собой, затем руки, приподняв грудь. «Я не знаю. Омлетом не пахнет».

На мгновение ее глаза были на мне, потом снова на сковородке. Сквозь майку я краем глаза наблюдал, как твердеют ее соски.

«Тебе не холодно?» подсказал я, прочищая горло.

"Нет, не совсем."

Она стояла там в течение долгого, неловкого момента. Я взял себя в руки и повернулся, чтобы покинуть кухню. Она тут же повернулась и тоже ушла, откинувшись на спинку дивана и закинув ноги на журнальный столик.

«Просто, э-э…» начал я, не зная, говорить мне это или нет. «Не поднимай так ноги. Ты же знаешь, что твоя мать это ненавидит».

Ожидая, что она отмахнется от этого, злобно засмеется и останется на том же месте, я был удивлен, увидев, как она опускает ноги.

"Ах, да. Мне жаль."

Я остановился.

Чего?

Я уставился на нее, пока она скрестила ноги и на мгновение заерзала, прежде чем убрать телефон. Я никогда не слышал, чтобы она даже произнесла слово «извини». Я честно думала, что ее этому не учили.

Она заболела? Ну, точно, что ещё это могло быть.

Я повернулся к себе в комнату, но не пошел туда. Я снова повернулся лицом к Ребекке, скрещивая и раздвигая ее ноги.

"Ты в порядке?".

Она выпрямила спину и резко повернула голову ко мне, как будто забыла, что я стою там. «Ага. Да я. Запах просто немного оттолкнул меня».

Я подошел к обеденному столу, понюхала омлет и поставила свою тарелку. «Думаешь, он протух? Для меня он нормальный».

Она покачала головой. «Нет, запах не неприятный. Он… очень, очень хороший». Ее голос стал ниже.

Я склонил голову. Ее поведение не имело никакого смысла. «Я предложил тебе, ты сказал, что не хочешь».

« Я знаю, но … я не думала, что ты про омлет. Я чую что-то, но не омлет».

Сделав шаг ближе к ней, я увидел, как она наполняет свои легкие, ее грудь вздымается. «Ты уверена, что с тобой все в порядке?»

Она покачала головой, пучок на макушке распустился, светлые пряди ниспадали на плечи. Она не пошевелилась, чтобы снова завязать волосы. Она по-прежнему смотрела на меня с голодом, как будто оголодала. Я отвернулся, не понимая, чего она смотрела на меня, как будто собиралась съесть меня.

Мой взгляд упал на брошенный пустой стакан у ее правой лодыжки.

«Не забудь отнести этот стакан на кухню», я остановился, не успев закончить, ее мать ненавидела такое. Ее глаза расширились.

"Чего?" Она дышала так, как будто ее отвлекли.

"Стакан." Я указал на него. «Не забудь отнести его на кухню».

«О» пробормотала она, беря стакан и резко вставая. Она направилась на кухню.

Я мог поклясться, что мои глазные яблоки готовились выскочить из орбит в любой момент. Это было неожиданно. Она никогда так не делала. Тот факт, что я говорил ей что-то сделать, обычно приводил ее в истерику.

Что это было за колдовство? Эта паршивка вдруг стала шелковой, на самом деле делая то, что я ей говорил, и без крика. Я смотрел, как она моет стакан, чего я действительно никогда не видел. Обычно она говорила маме, что я забыл там стакан, даже если я никогда не смотрела телевизор, или что я не вымыл посуду, даже когда меня целый день не было дома. И ее мать всегда верила ей. Мой отец просто просил меня быть понимающим. Да, верно, легко сказать, когда он не был тем, на кого кричали после того, как ему пришлось убрать чужой беспорядок.

Ребекка оставила стакан сохнуть и повернулась ко мне. Она переплела пальцы перед собой в совершенно невинной позе.

"Вот. Прости за это. Тебе нужно что-то еще?" — сказала она сладкозвучным голосом. Сладким и обволакивающим, как мед. Она хлопнула ресницами.

Передо мной.

Вот тогда меня осенило.

Пилюли.

Это должно были быть они. Они действительно работали не по своему первоначальному назначению — я не чувствовал себя смелее. Но каким-то образом они повлияли на Ребекку.

http://erolate.com/book/510/6112